

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КАНТА В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Владимир Сергеевич Горбань,

Институт государства и права РАН,
Москва, Россия,
gorbanv@gmail.com

Получена 20.09.2024.

Поступила после рецензирования 22.10.2024.

Принята к публикации 09.12.2024.

Для цитирования: Горбань В.С. Историкографическое значение творчества Канта в свете философской и политико-правовой мысли // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 10–25. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_10

Аннотация

В статье рассматривается проблематика уточнения и разъяснения значения философского творчества немецкого философа Канта в свете современных научных задач по формированию новых подходов к историографии политико-правовой мысли. Наследие Канта является одним из тех культурных феноменов, которые на протяжении уже более чем двух столетий формируют существенную часть повестки науки истории политико-правовой мысли, общетеоретических и прикладных вопросов в юридических исследованиях. Вместе с тем значительная часть философских идей и размышлений Канта пребывает в контексте его апологетики в качестве лишь воспроизводимых, но надлежащим образом не разработанных и критически не осмыс-

© Горбань В.С., 2024

ленных моментов содержания философии права, истории политико-правовой мысли. Актуальность и востребованность обращения к кантовской проблематике в контексте историографических исследований политико-правовых знаний обуславливаются наличием существенных пробелов в освещении смысловых характеристик его критицизма и основных начал учения о праве в истории политико-правовой мысли. Отсутствие соответствующих разработок диктует необходимость точнее и полнее выявить значение кантовской философии как маркера для комплекса вопросов формирования более полной и верифицируемой историографии. В связи с этим во внимание принимаются его оригинальные тексты на немецком языке, особенности используемого им понятийного языка, приемы историко-филологической работы. В исследовании подчеркивается, что историографическая значимость творчества Канта может быть установлена только в контексте такой значимой для понимания его учения характеристики, как допущение определенного типа культуры в качестве системы определенных эпистемологических и нравственных приемов, оказывающих влияние на социально-религиозное сознание. Правовые взгляды Канта могут быть установлены только на основе общих начал критической философии, которые определили целый комплекс направлений исследований права как «чистого» логико-понятийного феномена и как психологического явления.

Ключевые слова:

философия Канта, критицизм, догматизм, историография политико-правовой мысли, философия истории, общественно-религиозное сознание, философия права, понятие свободы, право, нравственность

Источники финансирования:

исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075–15–2024–639).

EXPLORING THE HISTORIOGRAPHICAL SIGNIFICANCE OF KANT'S CONTRIBUTIONS TO PHILOSOPHY AND POLITICAL-LEGAL THOUGHT

Vladimir S. Gorban,

Institute of State and Law,
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
gorbanv@gmail.com

Received 20.09.2024.

Revised 22.10.2024.

Accepted 09.12.2024.

For citation: Gorban, V.S. (2024). Exploring the Historiographical Significance of Kant's Contributions to the Philosophy and Political-Legal Thought. *Discourse-P*, 21(4), 8–25. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_8

Abstract

The article explores the challenges of clarifying the philosophical contributions of the German philosopher Immanuel Kant in the light of contemporary scientific endeavors aimed at developing new approaches to the historiography of political and legal thought. Kant's legacy has been a significant cultural phenomenon for over two centuries, forming an essential part of the academic discourse in the history of political and legal thought, as well as addressing general theoretical and applied issues in legal research. However, many of Kant's philosophical ideas and reflections remain within the realm of apologetics, often reproduced, but not properly developed and critically analyzed in the context of legal philosophy and the history of political and legal thought. The relevance of examining Kant's work within historiographical studies of political and legal knowledge is determined by notable gaps in the understanding of the semantic nuances of his critiques and the foundational principles of his legal doctrine. The lack of such crucial analysis highlights the necessity of more precisely and thoroughly articulating the significance of Kant's philosophy as a reference point for a broader and more verifiable historiography. In this regard, the article takes into account Kant's original texts in German, the distinctive features of his conceptual language, and the methodologies of historical and philological analysis.

The study emphasizes that the historiographical significance of Kant's work can only be fully appreciated within the context of a critical understanding of his teachings, particularly the notion of culture as a system of certain epistemological and moral techniques that shape socio-religious consciousness. Furthermore, Kant's legal perspectives can be really established only through the foundational principles of his critical philosophy, which defines a whole range of research areas concerning law as a pure logical-conceptual phenomenon and as a psychological phenomenon.

Keywords:

Kant's philosophy, critique, dogmatism, historiography of political and legal thought, philosophy of history, socio-religious consciousness, philosophy of law, the concept of freedom, law, private morality

Funding:

This research was conducted as part of the scientific project titled "Creating a Russian historiographical model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development". The project received financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

Философское учение Канта как историографический эон

Философское учение Канта еще при жизни автора стало заметным и контрастным водоразделом в различных сферах интеллектуальной культуры в странах Западной Европы, активно распространяясь дальше по мировым ландшафтам истории мысли и научно-литературного творчества. Он выразил в своих размышлениях насущные запросы эпохи, резюмировал общественно-религиозные и культурно-просветительские идеалы борьбы протестантов и в целом христианской Европы за религиозную и политическую свободу (Шершеневич, 2001). Темы и сюжеты его учения не были чем-то принципиально новым для общей истории философской мысли: агностицизм, критицизм, субъективизм, – все это и раньше присутствовало в научном обиходе – у известных философов и философских школ еще в Античности. Однако гуманистические тенденции, формировавшие культурные черты облика Европы уже с исхода позднего Средневековья, давно требовали очередной «победы» очередной раз «просвещенного» разума над историей, над преданием, традицией, которые часто оказывались в заложниках у инертных схоластических приемов познания, средневековой общественно-религиозной культуры, закостенелых форм

политического и правового мышления. Почву для кантовского критицизма и агностицизма создавали и другие мыслители, например шотландские и британские эмпирики, впечатлявшие Канта, особенно Юм (Lauener, 1969).

В дальнейшем о Канте было столько написано и сказано, что нередко явно превосходит то, что собственно немецкий философ хотел сказать. Существует в русле непосредственно учения Канта, кантианства и неокантианства целая апологетика его взглядов, которые, однако, зачастую по-школярски, как заученный урок, воспроизводятся до сих пор в истории философской мысли или, например, политико-правовой. Нет никаких сомнений, что Кант своим творчеством в области философии давно и прочно занял себе самостоятельное место в литературе последних двух столетий. Но не менее странно и вопреки чаяниям самого немецкого философа было бы превращать его в то самое авторитетное мнение, против диктата которых он так решительно боролся. Ему определенно хотелось быть создателем и проводником новых идей в философии, но, строго говоря, если мы доверяем призывам Канта и считаем его аргументы хоть немного убедительными, то они должны рассматриваться как объект той же самой критики, без которой, как он уверял, никакая надлежащая философия просто-таки невозможна. Гносеологические рецепты Канта, по уверению его же самого, тоже нуждаются в проверке. А его зачастую превращают в догматику, его идеи – в авторитетную, филодоксическую (Кант, 1994а, с. 35), по терминологии самого же Канта, основу для современного осмысления философских и иных релевантных вопросов. И тогда мы снова впадаем в то же состояние интеллектуальной дремоты, которое беспокоило немецкого мыслителя и которое совершенно не способствует развитию мысли, ее культурному расцвету и цивилизационной адаптации.

Если мы действительно обратим внимание на характер и направления влияния Канта в литературе у него на родине, в других странах, то можно глубже и панорамнее показать, что процессы эти не имели такого однозначного и прямого выражения. До сих пор немецкие ученые крайне удивляются тому, как идеи того же Канта воспринимаются за рубежом, поскольку в самой Германии внимание к его творчеству выглядит иначе, часто гораздо скромнее, чем кажется со стороны. Кант для немцев не открыл новую философию. Он обобщил идеи предшественников и придал мощное логическое обоснования основным положениям протестантизма: отказ от любой догматики, непознаваемость, ориентация на субъективную мироощущение и т. п. Все это легко обнаружить, если последовательно и основательно сравнить идеи протестантизма, в том числе пиетизма, к которому принадлежал воспитанный с детства в глубоко протестантском религиозном духе сам Кант, и начала его философского учения, темы, сюжеты, аргументы. П. А. Флоренский писал: «Философия есть беглая дочь своей матери; но и в странствии и падении она несет в себе родные кровь, и черты, и манеры, и в них видится нам религия, и не уйти философии от самое себя. И вот: изжив свои страсти, с угасшей кровью она утрачивает свой пыл к самостоятельности, и возвращается под родимый кров и, не найдя в живых своей родительницы, старая и живущая в прошлом, старается устроить в доме все, как было когда-то, по-старому, сама уподобившись прежней хозяйке» (Флоренский, 2014, с. 99).

При этом всем Кант – это по-настоящему хороший писатель, отличающийся (имея в виду оригинальные немецкоязычные тексты Канта и его современников) стройным языком изложения своих мыслей, ясностью текстов (с учетом их философского языка), умеющий в некоторой степени поэтически-тропированно выразить наиболее востребованные идеи, соображения и размышления. Большое значение имело и то, что Кант, в отличие от того же реформатора Томазия, требовавшего следовать исключительно латыни, уже мог себе позволить творить и писать на родном для него немецком языке. Роль языка всегда была и остается чрезвычайно важной. Римский император и философ Марк Аврелий, к огорчению своего учителя риторики, писал самые сокровенные мысли на более удобном греческом, а не на стилистически тяжелой, инертной латыни, более подходящей для официального делопроизводственного языка, юридического и политического.

Кант имеет большое значение для понимания и прояснения историографии общественной мысли, в частности в политико-правовой сфере. Хотя сам Кант антиисторичен, как и вся эпоха XVIII в., тем не менее и по содержанию своих философских сюжетов и познавательных установок, и по своему влиянию в истории мысли он несомненно представляет существенный интерес равно как для догматического, так и критического освещения и историографического моделирования в области политико-правовых знаний.

Мир науки и мысли значительно разнообразнее и многообразнее (Вернадский, 1991, с. 25), чем его обычно представляют в западной литературе, мешая тем самым естественной внутренней эволюции своих же достижений, осознанию просчетов и ошибок, которых было также немало, как и положительных результатов, расширению своего кругозора. Европейская литература, не осознающая объективные изменения в мире и не реагирующая на них, вместо того чтобы, так сказать, смотреть на эти вопросы как здравомыслящий кантианец, не сопровождая свои познавательные возможности адекватной критикой, начинает заметно отставать в современной культурно-цивилизационной динамике. Известный призыв «Назад к Канту!» в современных условиях мог бы успешно рассматриваться как настойчивое требование проверки познавательных способностей, но только не как чистой логической возможности, а как способности получения новых и достоверных знаний. Существенный недостаток многих современных работ в том, что Канта делают кумиром вместо того, чтобы просто работать с его творчеством (как других): критиковать, проверять на жизнеспособность, логическую состоятельность, полноту. Но для этого наука, по крайней мере юридическая, должна осознать свой творческий и конструктивно-критический, а не описательно-подражательный характер.

Например, И. Кант, как и позже Л. Толстой, верит в исключительную силу морального закона, а право у него высушенный, неодоушевленный (в смысле безмотивный) продукт внешнего дисциплинирования (И. А. Ильин называл это внешней дрессурой (Ильин, 2006)). Позже Р. Иеринг, один из самых известных в мире юристов XIX в., современник Л. Толстого, прошел долгий творческий путь, заявив в итоге: право нужно для того, чтобы приструнить эгоизм и подготовить человека для жизни нравственной, да и само оно – право – отныне

должно пониматься как «телеологическая система нравственного миропорядка» (Jhering, 1889, p. X). Так, русский и мировой классик тоже верил во всеспасительную силу нравственности, скептически, как большинство писателей и поэтов, относясь к исторической роли позитивного (подчеркнуто карательного) права. Но по какой-то незатейливой «логике» о немцах пишут как о сторонниках положительной роли, даже ценности права (в каком-то при этом неразъясненном смысле, поскольку Толстой имел в виду совершенно определенную историческую сторону права). По Иерингу, право рождается в трудном и напряженном процессе постоянно прогрессирующего исторического становления, который длится тысячелетиями, сопряжен с активной работой человеческого духа и страданиями миллионов человеческих жизней и судеб (Jhering, 1852, p. 98)). О взглядах же Толстого судят не по сути и не по совокупности содержания и характера всего его творчества, а лишь по некоторым эмоциональным высказываниям.

Привлекательность философии Канта, как представляется, связана в первую очередь с тем, что она стремится не к познанию мира, чем по преимуществу занималась философия во все времена, а к изучению сознания, которое вновь становится чуть ли не микрокосмосом, охватывающим все философские заботы. Как говорили его современники: Кант заставил весь мир «вращаться вокруг сознания». Однако, как верно заметил С. Франк, «понятия “сознания”, “разума” и т. п. употреблялись Кантом в столь многозначном и мало выясненном смысле, что, как известно, весьма трудно уловить подлинное значение соответствующих утверждений Канта» (Франк, 1909, с. IX).

В смысле интереса к природе самого человеческого сознания Кант схож с Сократом или Декартом, прорывное значение представлений которых было также во многом связано с изменением вектора внимания, а именно к вопросам самого познания, его характера и природы. Представляется, что и современная, особенно юридическая, наука может существенно выиграть от того, что обратит свой пристальный взор к вопросам природы собственной науки, в том числе ее прочных и достоверных историографических оснований. Можно было бы сказать, что у каждой правовой идеи, правового понятия есть своего рода интеллектуальный паспорт. Они меняют время от времени прописку, приобретают новые черты, но в целом можно установить генетическую родословную компонентов словаря юридической науки или философии права. А это есть важнейшее условие для ее уверенного развития и раскрытия ее собственного мышления как науки.

Кант, в том числе в России, стал настолько большой величиной в философии, что многие еще в начале XX в. даже не отваживались взглянуть дальше Канта. Весьма примечательно эту ситуацию описывал русский филолог и философ Г.Г. Шпет. В своей диссертации «История как проблема логики» он писал: «Эпидемия новокантианства распространилась с молниеносной быстротой, – и много ли философски настроенных представителей нашего поколения избежали ее более или менее острой заразы? С вершин кантианства мелким и ничтожным представлялось то, что располагалось по обе стороны этого философского кряжа: догматическая, и, – что еще хуже, – скептическая докантовская философия; философия эпигонов – послекантовская...» (Шпет, 2011, с. III–IV).

Наряду с апологетикой, в русской философской литературе имеется и глубокая критика философского учения Канта, которая, на наш взгляд, в целом точно характеризует нацеленность и характерные черты размышлений немецкого философа-идеалиста, например, в работах Н.А. Бердяева и П.А. Флоренского. Первый называл философию Канта «образцом чисто полицейской философии», которая «имеет некую связь с полицейским государством, с обществом секуляризованным», то есть «из священного гнозиса превратилась философия в полицейский распорядок отвлеченной мысли, в охрану, в градостроительство, к которому обращаются за разрешением устроить то или иное в царстве мысли и познания» (Бердяев, 1989, с. 19). «Поэтому, – пишет Н.А. Бердяев, – философия и зашла в тупик, поэтому кризис ее и представляется таким безысходным...» (Бердяев, 1989, с. 20). Флоренский еще более резко и небезосновательно охарактеризовал философию Канта: «Нет системы более уклончиво-скользкой, более “лицемерной”, по апостолу Иакову, более “лукавой”, по слову Спасителя, нежели философия Канта: всякое положение ее, всякий термин ее, всякий ход мысли есть: ни да, ни нет» (Флоренский, 2014, с. 103). Несмотря на это философия Канта, особенно неокантианства, оказала большое влияние на оттачивание логического инструментария, в частности, правового мышления, основных юридических понятий в их, так сказать, теоретической и методологической чистоте.

Природа, характер и место юридического неокантианства в русской литературе очень удачно, полно и точно проанализированы и обобщены в трудах Е.А. Фроловой, а оценки значения юристов-неокантианцев, данные ею, к примеру, о том, что они «подняли на новый теоретический уровень аксиологию (ценностный подход к личности) и деонтологию (в виде формального критерия построения правовых систем)» (Фролова, 2013, с. 4), совершенно справедливо могут быть применены к определению роли юридического неокантианства в зарубежной литературе.

Кант и историография политико-правовых учений

Историографическое значение кантовской философии для области политико-правовых знаний заключается в ряде существенных моментов: 1) водораздел между догматизмом и гносеологическим критицизмом в эволюции политико-правовой мысли, включая также вопросы научности философии права – «метафизика как наука», роль математики, форма как исключительно познаваемое, вслед за греческими философами; 2) влияние общественно-религиозного сознания на развитие политико-правовой мысли (протестантская философия по смыслу, сюжетам и аргументам), а значит реконструкция других путей, более древних по своим истокам – в русле неразделенного христианства, православия и инославных версий. Но не в смысле замены одного типа другим. Даже с чисто гносеологической точки зрения (то ли «*Consensus patrum*» – принцип «согласия отцов» в православии, то ли принцип догматического развития и учительства Церкви – у католиков, то ли просто субъективное мироощущение – у протестантов), это все фундаментально разные подходы к познанию вероисповедальных истин,

которые формировали веками образы культуры мышления, в том числе философии; 3) возможности построения «чистых» учений о праве. Еще при жизни Канта появилось невероятное множество различных «чистых» учений о праве и государстве. «Чистый» употреблялось в значении логико-гносеологическом. Почти полтора века спустя появилось «Чистое Учение о Праве»¹ австрийца Г. Кельзена. До него было создано множество самых разнообразных «чистых» учений о праве (Горбань, 2023). И для историографии политико-правовой мысли пока остается открытой разработка истории объемлющего количества «чистых» учений о праве и вариантов их интерпретации. Во французской литературе это название тоже было популярным, но употреблялось совсем в другом значении – в социологическом – «чистое право» (Picard, 1899); 4) Кант интересен, безусловно, с точки зрения его влияния на развитие психологических теорий права; 5) по набору сюжетов при разработке историографии прав человека: автономия личности, самоценность личности, разграничение свободы, трактовка свободы воли; соотношения права и нравственности – легальности и моральности поступков.

Для юридической науки, как ни странно, действительное значение имеют не столько размышления Канта о праве, высказанные прежде всего в его одной из последних работ «Метафизические начала учения о праве», а в целом его гносеология, изложенная в первую очередь в его «Критике чистого разума». Кант, как известно, преподавал все дисциплины, кроме права. В сочинении «О религии в пределах только разума» Кант рассуждает о том, как возможна на земле «победа доброго принципа над злым» или, что то же самое, об «основании царства божьего на земле» (Кант, 1994b). «Господство же доброго принципа, – как пишет Кант, – ... достижимо... только посредством создания и распространения общества, устроенного согласно законам добродетели...» (Кант, 1994b, с. 98). Моральный закон, по Канту, должен обращаться не только к каждому в отдельности, но и «обозначить сборный пункт для всех тех, кто любит добро, дабы объединиться под этим знаменем и таким образом впервые получить перевес над неустанно воинствующим злом» (Кант, 1994b, с. 98). Такое объединение людей будет называться «этически-гражданским» или «этическим общежитием». Однако для этого нужно государство или политическая общность, которая есть «юридически-гражданское общежитие» (Кант, 1994b, с. 98–99). Аналогичные по характеру размышления мы можем найти, например, у одного из основателей русской традиции политико-правовой мысли митрополита Илариона в пасхальной проповеди «Слово о Законе и Благодати» (Иларион, 1994).

¹ У Кельзена оно написано именно так, а именно все слова с большой буквы, как нечто религиозно-символическое. Дело в том, что и определение «чистое» автором пишется с большой буквы, что очень схоже с сопоставимой по времени тенденцией символизма в культуре. Поэтому, чтобы передать подлинный стиль автора и смысл, вкладываемый им в наименование своего учения, необходимо показать, что оно использовалось в названии и тексте именно в таком символическом ключе. Кроме того, Кельзен сам подчеркивал, что его авторской задумкой было создание такого учения об интерпретации права, которое было аналогично религиозной догматике.

Еще более глубокие и пока совершенно не изученные корни большой сквозной темы в истории политико-правовой мысли о роли внешнего приготовления, инициации и пр. ритуальных представлений об испытаниях, связанных с вхождением взрослого человека в состав общины, через суровые и принудительные испытания, мы найдем в народном фольклоре древнейших периодов истории (Пропп, 2021), мифологии, религиях, философских учениях.

Среди современников Канта предпринимались попытки написания учения о праве на основе критической кантовской философии еще до выхода в свет «Метафизических начал учения о праве» Канта. Это интересный научный историографический факт, который пока остается без должного внимания ученых. Не менее интересной выглядит попытка создания философского учения «нормального права» (Eschenmayer, 1819).

Кант в своих философских построениях – это глубоко религиозный философ, как бы ни хотели утверждать противоположное. Он просто не может быть другим. Иное мнение возможно было бы признать убедительным только в том случае, если протестантизм рассматривать не как религию, не как инославную версию христианства. В своей «Критике чистого разума» в качестве главных вопросов философии он сам называет: *о Боге, свободе и бессмертии* (Кант, 1994а, с. 44).

Автор одного из наиболее авторитетных и популярных в Германии современных изданий по философии права А. Кауфманн пишет, что в XIX в. философские учения немецких идеалистов или марксизм почти не оказали никакого существенного влияния на философию права и правоведение, за некоторыми небольшими исключениями (Kaufmann, Hassemer, Neumann, 2004, S. 70). Хотя при этом, называя Фихте, Шеллинга, гегельянство в целом, автор загадочным образом не упоминает Канта в основном по причине личной симпатии к творчеству протестантского философа. А вот «в современной философии, – пишет А. Кауфманн, – все удивительным образом изменилось; философы немецкого идеализма... все больше привлекают к себе внимание» (Kaufmann, Hassemer, Neumann, 2004, S. 70). Эта точка зрения весьма познавательна. Однако в полной мере с ней согласиться нельзя. На самом деле в трудах немецких юристов и философов права идеи философов-идеалистов проявлялись многообразно и способствовали возникновению теоретического каркаса того, что теперь понимается под собственно теорией права.

То, что содержит в себе протестантизм как форма общественно-религиозного сознания, уже безотносительно к его основным положениям (у Канта постулаты протестантизма, ставшие основой его учения, излагаются понятийным

Так что незамеченная ранее комментаторами и исследователями творчества Кельзена особенность написания названия его работы и употребления этого названия в оригинальных текстах заслуживает внимания для определения характера, содержания и места его взглядов в истории политико-правовой мысли. Как пример более традиционного и просто написания названия «чистое учение о праве» могут быть приведены многочисленные варианты сочинений с таким названием конца XVIII – начала XIX в. Это обстоятельство подчеркивает важность источниковедческих исследований.

философским языком (см. также: Васечко, 2024)), и является по существу тем моментом притягательности, который вызывал симпатии современников и потомков, а именно протест против догматики, ее инертности, избыточности авторитетных мнений и комментариев², господства логики, основанной на чистом силлогизме, схоластики, оторванной от жизни и субъективного мировосприятия. Все это в итоге привело самого Канта к идее автономии личности – в протестантизме это звучит следующим образом: личность сама себе есть церковь, а субъективное чувство личности, ее сознание представляет собой достаточный источник для богопознания и миропонимания.

П. Флоренский, критикуя Канта, дал ему такую характеристику: «единственная осмысленная реальность для него сам он, и поставление себя в безусловный центр мироздания» создает «два царства: царство субъективных истин и царство вне-истинных объективностей» (Флоренский, 2014, с. 104–105).

Однако, читая Канта, современники и потомки услышали призыв к индивидуальной свободе, автономии воли, освобождению сознания от инертного догматизма, не подвергающего сомнению способность познать мир исчерпывающим образом. Кант скорее оживил известный еще с античности субъективизм в философии и придал ему такую логическую форму, которая в конкретно-исторических условиях эпохи Просвещения, возвышения роли национальных языков и культур, совпадала с базовыми структурами общественного сознания.

Считая невозможным существование метафизики как науки только в виде догматизма, присущего и доктрине естественного права в том виде, в каком она сформировалась в XVII и XVIII вв., Кант своим критицизмом, утверждением, что метафизика как наука возможна только как догматика и критика (самой способности суждения), нанес, как пишут в немецкой литературе, «смертельный удар» по доктрине рационального естественного права (Kaufmann, Hassemer, Neumann, 2004, S. 56). А работу на земле доделала историческая школа права.

Философские представления Канта остаются и поныне привлекательными для научных исследований. Например, идея свободы, на которую опирается он в своих размышлениях, учитывая ее прямую связь с пониманием свободы (свободы воли) в протестантизме, отнюдь не исчерпывает ее понимание в различных традициях философии и с позиции общественно-религиозного сознания. Так, православие никогда не отрицало свободу воли, подчеркивая, что божественная воля не может реализоваться без соучастия самого человека. Яркий пример того, как фиксируется эта тема, демонстрирует русская литература (у Ф.М. Достоевского персонаж по фамилии Ставрогин в романе

² Г. Штефани, современник Канта, в своих комментариях по случаю издания Кантом своей работы «Метафизические начала учения о праве», заметил, что тот, кто отваживается теперь говорить о темах, о которых вещает глубокомысленный язык Канта, должен раз и навсегда отказаться от пристрастия к авторитетам и предаваться только вопросам истины (см.: Stephani, H. (1797). Anmerkungen zu Kants metaphysischen Anfangsgrunden: des Rechtslehre. Erlangen. In I. Kant, Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre, Königsberg: F. Nicolovius).

«Бесы», у него же во вставной новелле «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы»³ целый трактат о свободе), которая предлагает даже самому отчаянному грешнику выбор пути спасения, правильного пути. И только сам человек принимает решение о выборе. В этом смысле русская литература в обсуждении свободы исходит из назидательно-поучительного разъяснения одной из основополагающих идей христианства в его ортодоксальной (православной) версии. Трактовка свободы в русской культуре и литературе – так называемое пространственное понимание свободы – отражена в трудах Д. С. Лихачева (Лихачев, 2022, с. 17). Она может быть раскрыта с точки зрения морфемной природы русского языка, выражающей совершенно определенный образ бытийно-лингвистической связи. Так, например, основываясь на природе английского аналитического языка, поступает Г. Харт, называя признаками права и свободного «открытого» правового мышления собственно признаки самого английского языка (Hart, 1970).

Большое влияние на всю последующую юридическую мысль оказало представление Канта о том, что подлинная наука подобна математике и что в каждой науке столько науки, сколько в ней математики. Отсюда следовало, что идея правовой формы, как единственно закономерной для познания, в отличие от непостоянной эмпирии, должна составлять настоящий предмет учения о праве, так как наиболее достоверной формальной наукой является математика. При этом эта форма права сводилась отныне к формам представлений о нем, формам логического описания, представления и осмысления права. До Канта, особенно в XVII в., крайне популярны учения о пантометрии, с помощью которой философы намеревались измерить математическими приемами весь мир (Спекторский, 1910).

Критицизм Канта, на наш взгляд, безусловно, является значимым этапом в развитии гносеологии, в том числе в сфере правопознания. Однако, он не может быть принят в кантовской трактовке, которая не учитывает другие важные аспекты развития философии права и ее эвристические возможности. Он скорее интересен как общий принцип, как насущное требование, что догматизм должен непременно сопровождаться адекватной, критически оцениваемой и верифицируемой программой изучения познавательных приемов и средств, что попытки исчерпывающим образом объяснить основные вопросы философии, отреагировать на животрепещущие заботы настоящего времени и спрогнозировать правовой образ будущего всегда оказываются скромнее, чем реальная жизненная практика во всем ее разнообразии.

Кант явно не хотел отменить достоверность в науке своей ссылкой на агностицизм и необходимость чистой гносеологии. Они должны были дополнить догматику, а не заменить ее, побороть инертность догматизма, связанного прежде всего с католицизмом и господствовавшей со Средневековья схоластикой. Рационализм сам не мог преодолеть ее логические ограничения. Однако уже возникшее в тесной связи с неокантианством новое прочтение чистого учения о праве (популярное и расхожее название ориентированных на философию Канта

³ Достоевский, Ф.М. (2019). Братья Карамазовы. Санкт-Петербург: Азбука. С. 262–282.

работ немецких ученых конца XVIII – начала XIX в.) в работах Г. Кельзена из-за «бесцельного должного» и якобы «чистых» форм интерпретации права небезосновательно характеризовалось прежде всего известными немецкими правоведами, в том числе Г. Кленнером, А. Кауфманном, как «правовая пустота» (Klenner 1972; Kaufmann, Hassemer, Neumann, 2004, S. 126).

Следует предположить, и для этого есть все основания, что кантовское требование сочетания догматизма с критицизмом может быть дополнено еще и здравомысленным историзмом. Д. С. Лихачев отмечал: «... человек – существо нравственно оседлое, даже и тот, кто был кочевником, для него тоже существовала “оседлость” в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость в других» (Лихачев, 2022, с. 92). Кантовская философия не есть учение вне культуры. Оно у Канта предполагает существование определенной культуры, системы нравственности, причем определенной общественно-религиозным сознанием, языком и др., о чем, собственно говоря, напрямую пишет сам немецкий философ. Его размышления и идеи могут способствовать совершенств.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. (1989). *Философия свободы*. Москва: Правда.
2. Васечко, В. Ю. (2024). Кант и Библия: Священное Писание как объект национально-критической рефлексии. *Антиномии*, 24(1), 7–25. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_7
3. Вернадский, В. И. (1991). *Научная мысль как планетное явление*. Москва: Наука.
4. Горбань, В. С. (2023). «Чистые» учения о праве: их многообразии в истории правовой мысли и влияние на характер современной юридической науки. *Журнал российского права*, 27(12), 68–84. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.139>
5. Иларион, митр. Киевский (1994). *Слово о Законе и Благодати*. Москва: ПИФ «Столица».
6. Ильин, И. А. (2006). *Общее учение о праве и государстве*. Москва: АСТ: Хранитель.
7. Кант, И. (1994а). *Собрание сочинений в восьми томах* (Т. 3). Москва: Чоро.
8. Кант, И. (1994б). *Собрание сочинений в восьми томах* (Т. 6). Москва: Чоро.
9. Лихачев, Д. С. (2022). *Русская культура*. Москва: Иллюминатор.
10. Пропп, В. Я. (2021). *Исторические корни волшебной сказки*. Санкт-Петербург: Азбука.
11. Спекторский, Е. В. (1910). *Проблема социальной физики в XVII столетии* (Т. 1). Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа.
12. Флоренский, П. А. (2014). *Философия культа: (опыт православной*

антроподицеи). Москва: Академ. проект.

13. Франк, С. (1909). Предисловие. В Э. Гуссерль, *Логические исследования* (Ч. 1). Санкт-Петербург: Образование.
14. Фролова, Е.А. (2013). *Неокантианство в русской философии права во второй половине XIX–первой половине XX века* [Дис. ... д-ра юрид. наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (юридический факультет)]. Российская государственная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005537346/
15. Шершеневич, Г.Ф. (2001). *История философии права*. Санкт-Петербург: Лань и др.
16. Шпет, Г.Г. (2011). *История как проблема логики: критические и методологические исследования* (3-е изд.). Москва: URSS.
17. Eschenmayer, C.A. (1819). *Normal-Recht*. Stuttgart [u.a.]: Cotta.
18. Hart, H. (1970). *The concept of law*. Oxford: Clarendon Press.
19. Jhering, R. (1852). *Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung* (Erster Teil). Leipzig.
20. Jhering, R. (1889). *Der Besitzwille: zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode*. Jena: Fischer.
21. Kaufmann, A., Hassemer, W., & Neumann, U. (Hrsg.) (2004). *Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart* (7., neu bearb. und erw. Aufl.). Heidelberg: Müller.
22. Klenner, H. (1972). *Rechtsleere – Verurteilung der reinen Rechtslehre. Frankfurt am Main: Verl. Marxistische Blätter.*
23. Lauener, H. (1969). *Hume und Kant: systematische Gegenüberstellung einiger Hauptpunkte ihrer Lehren*. Bern [u.a.]: Francke.
24. Picard, E. (1899). *Le droit pur*. Bruxelles: Veuve F. Larcier; Paris: Alcan.

References

1. Berdyaev, N.A. (1989). *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow: Pravda.
2. Eschenmayer, C.A. (1819). *Normal-Recht* [Normal-Right]. Stuttgart [et al.]: Cotta.
3. Florensky, P.A. (2014). *Filosofiya kul'ta: (opyt pravoslavnoy antropoditsei)* [Philosophy of Cult: (the Experience of Orthodox Anthropodicy)]. Moscow: Akadem. proekt.
4. Frank, S. (1909). Predislovie [Preface]. In E. Gusserl', *Logicheskie issledovaniya* (Pt. 1). St. Petersburg: Obrazovanie.
5. Frolova, E.A. (2013). *Neokantianstvo v russkoy filosofii prava vo vtoroy polovine XIX – pervoy polovine XX veka* [Neo-Kantianism in the Russian Philosophy of Law in the Second Half of the XIX – First Half of the XX Century] [Dissertation, Lomonosov Moscow State University]. Russian State Library. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005537346/

6. Gorban, V.S. (2023). “Chistye” ucheniya o prave: ikh mnogoobrazie v istorii pravovoy mysli i vliyaniye na kharakter sovremennoy yuridicheskoy nauki [The “Pure” Doctrines of Law: Their Diversity in the History of Legal Thought and Their Influence on the Nature of Modern Legal Science]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 27(12), 68–84. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.139>
7. Hart, H. (1970). *The concept of law*. Oxford: Clarendon Press.
8. Hilarion, Metropolitan of Kiev (1994). *Slovo o Zakone i Blagodati* [The Word about Law and Grace]. Moscow: PIF “Stolitsa”.
9. Ilyin, I.A. (2006). *Obshchee uchenie o prave i gosudarstve* [The General Doctrine of Law and the State]. Moscow: AST: Khranitel’.
10. Jhering, R. (1852). *Der Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung* (Erster Teil) [The Spirit of Roman Law at the Various Stages of its Development (Pt. 1)]. Leipzig.
11. Jhering, R. (1889). *Der Besitzwille: zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode* [The Will to Possess: at the Same Time a Critique of the Prevailing Legal Method]. Jena: Fischer.
12. Kant, I. (1994). *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* (T. 3) [Collected Works in Eight Volumes (Vol. 3)]. Moscow: Choro.
13. Kant, I. (1994). *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* (T. 6) [Collected Works in Eight Volumes (Vol. 6)]. Moscow: Choro.
14. Kaufmann, A., Hassemer, W., & Neumann, U. (Eds.) (2004). *Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtslehre der Gegenwart* (7., neu bearb. und erw. Aufl.) [Introduction to Legal Philosophy and Legal Theory of the Present (7th ed., rev. and augm.)]. Heidelberg: Müller.
15. Klenner, H. (1972). *Rechtsleere – Verurteilung der reinen Rechtslehre* [Lawless – Condemnation of Pure Legal Doctrine]. Frankfurt am Main: Verl. Marxistische Blätter.
16. Lauener, H. (1969). *Hume und Kant: systematische Gegenüberstellung einiger Hauptpunkte ihrer Lehren* [Hume and Kant: a Systematic Comparison of Some of the Main Points of Their Teachings]. Bern [et al.]: Francke.
17. Likhachev, D.S. (2022). *Russkaya kul'tura* [Russian Culture], Moscow: Illyuminator.
18. Picard, E. (1899). *Le droit pur* [Pure Law]. Bruxelles: Veuve F. Larcier; Paris: Alcan.
19. Propp, V. Ya. (2021). *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of a Fairy Tale]. St. Petersburg: Azbuka.
20. Shershenevich, G.F. (2001). *Istoriya filosofii prava* [History of Philosophy of Law]. St. Petersburg: Lan’ i dr.
21. Shpet, G.G. (2011). *Istoriya kak problema logiki: kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya* (3-e izd.) [History as a Problem of Logic (3rd ed.)]. Moscow: URSS.
22. Spectorsky, E.V. (1910). *Problema sotsial'noy fiziki v XVII stoletii* (T. 1) [The Problem of Social Physics in the XVII Century (Vol. 1)]. Warsaw: Tip. Varshav. ucheb. okruga.

23. Vasechko, V. Yu. (2024). *Kant i Bibliya: Svyashchennoe Pisanie kak ob'ekt natsional'no-kriticheskoy refleksii* [Kant and the Bible: Holy Scripture as an Object of Rational and Critical Reflection]. *Antinomii*, 24(1), 7–25. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_7

24. Vernadsky, V.I. (1991). *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Горбань, доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8054-2605>, e-mail: gorbanv@gmail.com

Information about the author

Vladimir S. Gorban, Doctor of Law (habil.), Head of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8054-2605>, e-mail: gorbanv@gmail.com
